

Во все тяжкие

(отрывки из очерка «Грешный ангел с бумажными крыльями»)

31 июля замечательному сахалинскому писателю Анатолию Тоболяку исполнилось бы 80 лет

Владимир Семенчик
vedomosti@skr.su

Заочное знакомство

Придется начать издали. В 1980 году, когда я был неоперившимся первокурсником минского журфака, мне попался в читальном зале университетской библиотеки свежий номер журнала «Юность». Одна из повестей подкупила своим названием: «Откровенные тетради». Рядом красовалась фотография ничем непримечательного очкарика и немного странная фамилия — Тоболяк. Едва начав поглощать эту прозу, оторваться я уже не мог. Последние страницы проглатывал под суровым взглядом библиотечарши: до закрытия оставались считанные минуты. Назавтра я примчался в читальный зал сразу после занятий и, захлебываясь, спросил, нет ли еще чего-нибудь этого... ну, как его... Тоболяка? Библиотечарша раздраженно отрезала: нету!!! Потом объяснила: в той же «Юности» несколько лет назад вышла первая его повесть «История одной любви», так журнал сначала зачитали до дыр, а потом

только познакомился с автором, но даже нахально называл его на ты.

Пока Анатолий был жив, мне и в голову не приходило задуматься: почему мы так быстро и легко сошлись? Ведь я был младше на четверть века! Написал к тому времени десяток-другой удачных стихов — вот и все, что мог предъявить в свое оправдание. Но ни разу не слышал от него даже намека, что мы — далеко не ровня, что он мне в отцы годится, а главное — давно уже является признанным мастером слова. Он держался точно так же и с другими младшими собратями по перу, да и не только с ними — а вообще со всеми, независимо от их рода занятий. Главный его «лозунг» был прост: не выпендривайся!

Мне кажется, он навсегда остался взрослым ребенком, и его тянуло к «племени младому, незнакомому». Ведь не случайно почти все герои, от

“
От любой новой рукописи Тоболяка было трудно оторваться, не дочитав ее до конца; достичь такого эффекта мечтают многие авторы, но удается единицам

Таких А. Тоболяк приехал на Сахалин в середине 1970-х

Анатолий Самуилович Тоболяк (Прицкер) родился 31 июля 1936 года в г. Сталинске (ныне — Новокузнецк). Рос и учился в Сибири и на Урале. После окончания средней школы сотрудничал в редакции городской газеты «Орский рабочий» и учился на факультете журналистики Уральского государственного университета. Работал на Крайнем Севере, в Средней Азии, а с 1975 года — на Сахалине. Первая повесть «История одной любви», опубликованная в журнале «Юность» (№ 1 за 1975 год), принесла ему всеобщую известность. По ней были поставлены десятки спектаклей и снят художественный фильм «Только вдвоем». Автор нескольких повестей и романов, которые публиковались в разных журналах, выходили отдельными изданиями и были переведены на несколько иностранных языков. Лауреат премии Сахалинского фонда культуры, член Союза писателей СССР.

писателей, типичный представитель поколения «шестидесятников». Тех, кто в ранней молодости глотнул иллюзорно чистого воздуха свободы, а потом до пожилых лет пытался приспособиться к совершенно иной атмосфере — затхлой и душной.

Про свое детство он не особенно распространялся. Когда на встречах с читателями его спрашивали о начале творческого пути, рассказывал примерно так:

— Все вы, наверное, в детстве читали книги Фенимора Купера и Майн Рида? Я ими тоже зачитывался. А потом выходил во двор и пересказывал друзьям эти приключения, при этом врал, или, точнее сказать, фантазировал напропалую. В конце концов, у меня получались собственные устные романы о краснокожих и бледнолицых.

Возможно, эта страсть к сочинительству и привела Анатолия после школы в газету «Орский рабочий». Мне, увы, неизвестно, когда он начал сочинять нечто более художественное, чем статьи и заметки. Об этом Анатолий не рассказывал. Хотя на дружеских посиделках, если накаляло соответствующее настроение или народ требовал, он охотно читал свои ранние стихи — из «северного цикла».

Про Эвенкию, про Таймыр, про то, как в северных реках ловят тайменя «на мыша», он вспоминал взахлеб. Про непроглядную полярную ночь, про командировки в стойбища оленеводов, в бригады старателей, про встречи с охотниками, которые всю долгую зиму одиноко жили в тайге, добывая пушнину...

Однажды похвастался, что на крошечном самолете по невероятному стечению обстоятельств попал аж на Северный полюс. Слушая это, я завидовал буквально до слез — так вкусно и с таким юмором Анатолий об этом рассказывал!

Север, конечно же, дал ему многое. И сюжет своей знаменитой повести «История одной любви» он тоже «подсмотрел» там. Неумная жажда познания носила его по стране (от Полярного круга до Памира) и ближе к 40 годам забросила на Сахалин, где он устроился корреспондентом областного радио. Но это была рабо-

та лишь ради куска хлеба, а главный труд начинался по вечерам за столом в прокуренной кухоньке, где он исписывал страницу за страницей своим мелким стремительным и совершенно неразборчивым почерком, который сам же называл «шизичным»...

В те годы новичку из провинции пробиться в печать — да еще в популярнейшем журнале «Юность»! — было не менее сложно, чем сегодня сорвать самый крупный куш в программе «Кто хочет стать миллионером». Рукописи в журнал приходили мешками, но из этого потока крайне редко что-то попадало на стол к заведующему отделом, а уж к редактору — и подавно. Обычно провинциалам писали ответы так называемые литконсультанты; их задачей было вежливо отфутболить рукопись, черкнув автору несколько банальных фраз о необходимости внимательнее читать классиков и тщательнее работать над стилем.

Помню, Толя рассказывал, что, когда получил телеграмму из журнала, вначале не поверил — думал, кто-то его разыграл. И еще: концовку повести ему все же пришлось переделать; в первоначальном варианте юный герой по имени Сережа погиб. Но такой финал противоречил идеологической задаче, и автора попросили придумать что-то более жизнеутраченное. Тоболяк признавался, что вначале не хотел ничего менять. Но потом все же поддался — решил, что грех упускать шанс напечататься в самом популярном советском журнале.

В итоге Сережа остался жить — и очень долго потом «кормил» своего создателя. Вскоре по заказу одного столичного театра Толяша переделал повесть в пьесу, и ее поставили сразу в нескольких десятках городов!

Кстати, всесоюзной своей славой он ни капельки не кичился — наоборот, слегка подтрунивал над этим. Да и представить невозможно было, чтобы Толяша вдруг взял да и заважничал. Проще и дружелюбнее человека я не знал. За это его все любили и прощали ему то, чего кому-то другому никогда не простили бы.

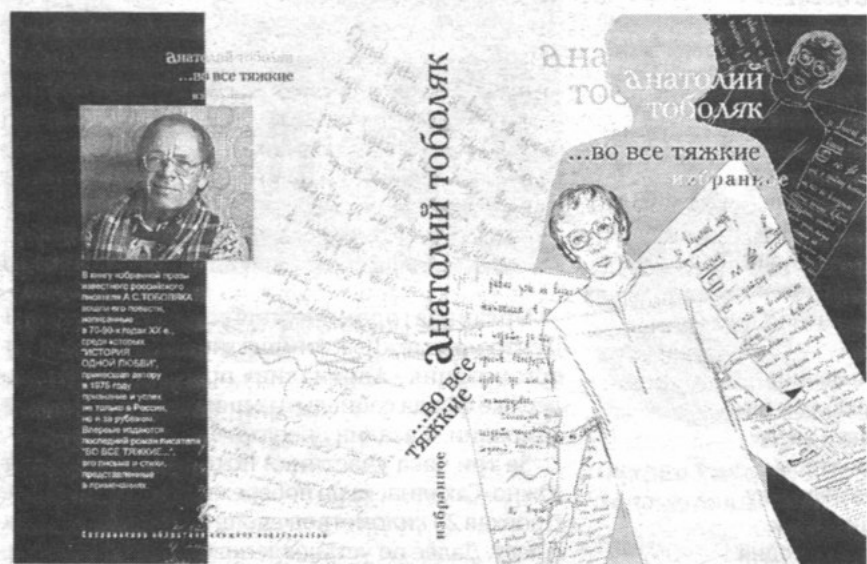
Он был гений общения. Могу за минуту расположить к себе кого угодно, по-детски искренне поддерживая любой разговор — хоть о высоких материях, хоть о самых житейских. Сочетал в себе множество крайностей: цинизм и детскую наивность, бесцеремонность и чуть ли не девичью стеснительность, всегдашнюю самоиронию и трогательную сентиментальность.

Полный творческий кайф

В середине 1980-х, после развода с женой, Толя оказался счастливым владельцем просторной однокомнатной квартиры. И с домом ему повезло — он стоял на улице с вполне литературным названием: Есенина.

Обстановка у него была отчаянно спартанская. На кухне плитка на две конфорки, «пожилой» холодильник, три-четыре разнокалиберных табурета и колченогий стол универсального характера: обеденный и письменный одновременно. Минимум посуды; как правило, она стояла на подоконнике или громоздилась в раковине. В жилой комнате — тахта, рядом стул, на нем пепельница и какая-нибудь книжка. Никаких шкафов или — боже упаси! — сервантов. Только скромная книжная полочка, да и та прожила недолго.

А в углу украшала интерьер зна-

просто вырезали бритвой страницы и утащили наслаждаться домой.

Это — к вопросу о популярности Тоболяка во второй половине 1970-х. Далеко не каждую повесть воровали из читального зала, хотя в те непростые для литературы времена интересную книгу достать было так же трудно, как и дефицитную копченую колбасу.

«Историю одной любви», которая сделала Анатолия Тоболяка знаменитым, я тогда так и не прочитал. Зато лет через шесть смог поведать самому автору о том, как его повесть уперли из читального зала. Автор отреагировал просто: прошептал в угол своей комнаты к куче бумажного хлама, выудил оттуда книгу и сказал: на, читай, только верни — а то остался последний экземпляр.

Произошло это на Сахалине, в 10 тысячах километров от той минской библиотеки. Я к тому времени не

лица которых идет рассказ в его книгах, младше самого автора минимум лет на десять.

А может быть, Анатолий и во мне видел одного из своих персонажей — дерзкого юношу, не побоявшегося рвануть из Белоруссии на далекий остров Сахалин?

Фантастический возраст

Он родился 31 июля 1936 года в Новокузнецке (тогда — Сталинске).

— Толя, у тебя фантастический возраст! — говорил я ему, когда Горбачев затеял гласность, и началось повторное развенчивание «культы личности». — Мало того что ты на свет появился в Сталинске, так еще успел увидеть Сталина в мавзолее!

Толяша в ответ на этот каламбур самодовольно ухмылялся. Он был, как принято говорить в биографиях

менитая «макулатурная куча». Если ее хорошенько пошевелить, то можно было найти не только книги, но и самые неожиданные вещи, например разлохмаченные рукописи или московские театральные афиши, на которых аршинными буквами была напечатана фамилия хозяина и названия его пьес...

Одежды и обуви у него было всего ничего; летний и зимний гардероб легко умещался в стенном шкафу. Он предпочитал джинсы, свитеры, ветровки и куртки, а единственный парадно-выгребной пиджачок висел на оконной ручке или на шпингалете. Облачался в него хозяин в исключительно важных случаях.

А вот с чем Толяше жутко не везло — так это с дверными замками. Ключи от них постоянно куда-то терялись, и, чтобы попасть домой, приходилось взламывать дверь. Несколько раз друзья помогли хозяину вставить новый замок — но хватало его ненадолго. В итоге Толя махнул рукой на эти пустые хлопоты. Изнутри закрывался на шпингалет, а когда уходил из дома — на газету: то есть, чтобы дверь сама собой не открылась, вставлял между нею и косяком плотно сложенный в несколько раз газетный лист.

Возможно, в награду за такое абсолютное небывалое доверие никто и не покушался на его жилище. Красть там все равно было нечего — разве что пустые бутылки с балкона. Но в 90-е годы их принимать уже почти перестали.

Гостей в этой квартире Тоболяка перебивало великое множество. Простота обстановки располагала к непринужденному, вдохновенно творческому общению. Хозяин в первые минуты всегда суетился и дергался — обожал, чтобы гости ощущали себя максимально комфортно, а потому доставал вопросы: удобно ли сидеть, не надо ли чего подать-принести...

— Да успокойся ты! — говорили гости. — Садись за стол, мы сами все принесли.

Но Толя не унимался, все ему казалось, что он проявил недостаточно гостеприимства. А как он не любил, если все внезапно собирались уходить! Готов был что угодно отдать, лишь бы гости остались. Если не получалось уговорить, обычно увязывался следом — и поредешвая компания шла продолжать душевный разговор в новой обстановке.

Эта квартира была действительно замечательна: в ней Тоболяку классно сочинялось. Если наступал творческий запой, можно было закрыть дверь на газету (чтобы гости подумали, будто хозяин в отлучке), запастись на неделю-другую куклой, чаем и сигаретами и писать, писать, писать — сутками напролет.

Невозможно остановиться

Как мастер, он, конечно же, знал себе цену, и все-таки одобрение товарищей по перу действовало на него волшебным образом — как похвала на маленького ребенка. Однажды он зашел к нам в Сахалинское книжное издательство и попросился посидеть за пишущей машинкой (своей к тому времени у него уже не было). Достал стопку исписанных листов и часа три непрерывно стучал по клавишам, время от времени удовлетворенно хмыкая и похихатывая.

Потом мы пили чай и курили.
— Я тут одну штуку начал, — сказал Толя. — Дам второй экземпляр, скажешь, как тебе, ладно?

— Хорошо, давай посмотрю, — я постарался произнести эти слова небрежно, хотя внутри все дрожало от нетерпения.

Едва Толя ушел, я набросился на рукопись. Это были первые главы романа «Невозможно остановиться». На мой взгляд, это самая лучшая вещь, которую Тоболяк написал в зрелые годы. Если вы читали этот роман, то наверняка помните, что на первых же страницах главный герой по фамилии Теодоров собирается повеситься.

— Толя, я тебя сам повешу, если ты эту штуку не закончишь, — пригрозил я, возвращая ему рукопись.

— Что, правда, неплохо? Не бодряга? — расцвел он.

Глаза за стеклами очков молодо блеснули, морщины на лбу разгладились. Видно было, как ему нужно услышать, что Слово подчиняется ему по-прежнему — несмотря ни на что...

За те годы, что я работал редактором издательства, мне несколько раз случалось готовить к печати новые вещи Тоболяка. Это был идеальный автор, честное благородное слово! Рукописи он сдавал чистейшие — ну просто нечего было править и подчеркивать, за исключением мелких опечаток и пропущенных знаков препинания. Читай и наслаждайся. Я не встречал писателя, который бы относился к своим повестям, романам и пьесам добросовестнее и требовательнее. Безусловно, это было еще одной причиной их популярности. От любой новой вещи Тоболяка было трудно оторваться, не дочитав ее до конца; достичь такого эффекта мечтают многие авторы, но удается единицам.

В последние его годы на Сахалине мы виделись нечасто. Жизнь началась какая-то бешеная, надо было кормить детей, крутиться, зарабатывать. Ушла куда-то лихая эпоха беззаботных посиделок...

Издатели в те годы дружно скарм-

ливали народу третьесортное переводное чтиво, жить на литературные заработки не могли себе позволить даже столичные мэтры. И у Толяши остался один надежный доход — пенсия. Оскорбительно маленькая при его широких привычках.

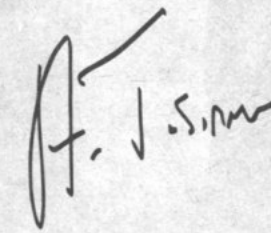
Но он продолжал писать, наивно надеясь, что каждая новая вещь станет бестселлером. В 1994-м мы умудрились-таки выпустить на деньги спонсоров его роман «Невозможно остановиться». Еще несколько лет назад такую книгу в самом деле раскупили бы как горячие пирожки. А тут даже жалкий трехтысячный тираж продавался очень туго. Народу становилось совсем уже не до книг.

Несколько раз, когда совсем прижимало с деньгами, Толя заходил к нам в издательство, брал стопку экземпляров своего романа и шел в библиотеку: торговать. Получалось у него неважно; он сидел возле входа и негромко бормотал под нос: «Покупайте, крутая вещь, с автографом»

ФОТО ИЗ АРХИВА РЕГИОНАЛЬНОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Начало 1990-х. А. Тоболяк после творческого вечера в областной библиотеке подписывает читателям свои книги

В 80-е годы новичку из провинции пробиться в печать — да еще в популярнейшем журнале «Юность»! — было не менее сложно, чем сегодня сорвать самый крупный куш в программе «Кто хочет стать миллионером»

Иллюстрации к повести «История одной любви»

Очерк публикуется в сокращении. Полную версию читайте на сайте skr.su

автора...». Брала иногда, но не очень охотно. Назад, впрочем, книги Толя все равно не возвращал, скорее всего, раздаривал.

Круг друзей, готовых всегда принять, дать займы, выслушать и спасти от одиночества, становился все реже, круги по ночному городу — все уже. Выжженная земля за спиной выталкивала с острова. И Толяша решил.

28 апреля 1998 года он уехал с Сахалина. И вскоре оказался в Израиле, в городе Хайфе. Написать он там ничего серьезного уже не успел: только письма друзьям да несколько пронзительных, шутивно-грустных стихотворений.

В последний раз он позвонил друзьям в Южный в мае 1999-го. Раньше звонил часто, и вдруг — как отрезало. Все волновались, гадали: что случилось? Только спустя несколько месяцев дошла грустная новость: попал в больницу, парализован, говорить почти не может. Инсульт разбил его прямо на улице. Толя был без документов, его отвезли в госпиталь и целых три месяца не могли установить, кто он такой. Потом он как-то ухитрился выговорить свою фамилию. И младший брат Борис, давно обыскавший все клиники и морги, тут же примчался к нему, а вскоре забрал Толю домой.

Вместо эпилога

Вспоминаю то время и ловлю себя на забытом ощущении. Почему-то тогда казалось, что Тоболяк так же вечен на нашем острове, как солнце после дурной погоды. Пересечешься с ним где-нибудь — и на душе светло. Он уникально умел радовать читателей своими замечательными книгами, а друзей — невероятным жизнелюбием, непосредливостью, всегдашней готовностью к круглосуточному общению, своей трогательной наивностью и иронически-мудрым отношением к происходящему вокруг и внутри нас.

Почему он так недолго продержался на этом свете, оторвавшись от Сахалина? Не потому ли, что в комфортной стране со всеми удобствами ему не хватало воздуха, пропитанного дружеской любовью? Все его последние письма на Сахалин — об этом.

Когда стало известно о страшной его болезни, никак не верилось, что такое может случиться с ним. Ждали улучшений, тем более израильская медицина, по слухам, умеет делать настоящие чудеса.

Но чудеса не произошло. 16 октября 2001 года грешный ангел взмахнул бумажными крыльями и улетел в неизвестные края.

Бог любил его и дал ему удивительный талант — «писать буковки». Так он называл те периоды своей жизни, когда, спрятавшись от людей на месяц-два-три, заполнял очередную пачку бумаги микроскопическими каракулями. Потом этими «буковками» зачитывались миллионы людей.

Сейчас иная эпоха, но время его книг не ушло и не уйдет никогда. Потому что Анатолий Тоболяк в полной мере обладал важнейшим для писателя качеством, которое называют стремлением к совершенству, хотя, скорее, это — желание добиться невозможного: стереть грань между Жизнью и Словом. Наверное, поэтому герои его книг не просто узнаваемы: они — живые. Автор транжирил на них свою жизнь, раздал им все, что имел.